

10. Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII века // XVIII век. – Сб. 14. – Л.: Наука, 1983. – С.112-119

11. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М.Ю. Некрасова. – СПб.: «Академический проект», 2003. – 816 с.

12. Эшштейн М.Н. «Природа, мир, тайник Вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высш.шк., 1990. – 303с.

УДК 821.161.1: 82-3 / Белый

Г.Е. ПРУСЕНКО
(Киев)

НАУЧНАЯ РЕЦЕПЦИЯ МЕТАПРОЗЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Аннотация.

Прусенко Г.Е. Научная рецепция метапрозы Андрея Белого.

В статье рассматриваются основные научные подходы к изучению метапоэтики и поэтики метапрозы русского модернизма, метапрозы Андрея Белого, анализу элементов авторефлексии и автоинтерпретации в творчестве писателя.

Ключевые слова: метапоэтика, метапроза, Андрей Белый.

Анотація.

Прусенко Г.Є. Наукова рецепція метапрози Андрія Белого.

У статті розглядаються основні наукові підходи до вивчення метапоетики та поетики метапрози російського модернізму, метапрози Андрія Белого, аналізу елементів авторефлексії та автоінтерпретації у творчості письменника.

Ключові слова: метапоетика, метапроза, Андрій Бєлий.

Summary.

Prusenko G. Ye. The Scientific Reception of Andrei Bely's Metaprose.

In the article the principal approaches for studying of Russian modernism's metapoetics and metaprose poetics, Andrei Bely's metaprose, analysis of autoreflexion and autointerpretation elements in the writer's works are observed.

Keywords: metapoetics, metaprose, Andrei Bely.

М. Лотман и З. Минц в совместной работе «Эпоха модернизма: “серебряный век” русской поэзии» акцентируют такую особенность, характерную для значительного большинства направлений модернизма, как рефлексивность: «По мере того, как связь с реальностью в модернистском искусстве становилась все более опосредованной, оно становилось все более рефлексивным, то есть направленным на самого себя: искусство интересуется уже не столько внешней действительностью, сколько самим собой» [Минц 2004: 351].

Д. Сегал «Литература как охранная грамота») констатирует, что в XIX веке литература превращается в «механизм сохранения, фиксации и передачи во времени определенной культурной традиции [...]» [Сегал 2006: 56]. В начале XX века, по мнению исследователя, в некоторых модернистских течениях («Мир искусства», стилизаторы) намечается отклонение от этой схемы, однако символизм и футуризм продолжают ее применять.

Во всех текстах такого типа Д. Сегал отмечает «принципиальный отказ от программирующей ориентации на читателя, направление моделирующей функции текста на автора и самозамыкание текста, внутри которого создается эффект “двойной экспозиции” [...]» [Сегал 2006: 61]. Ученый выделяет следующие признаки таких произведений:

1. Отсутствие сколько-нибудь полного «реалистического» моделирования действительности при осознанно реалистической системе мотивировок.

2. Описываемые тексты фокусируют основное внимание на литературе как тексте, деятельности, личной профессии.

3. Литература всюду становится важной, неотъемлемой частью действительности.

4. Затрагивается, так или иначе, тема ситуации свободы литературного слова.

5. Высказывание определенного ценностного отношения к действительности, связанной, как правило, с литературным бытом.

6. Определенные фрагменты произведений в силу эффекта «зеркал» имеют функцию «подлинной» действительности, которая «созидается» в тексте в противовес гибели прежней действительности и торжеству новой «псевдодействительности».

7. Авторское «я» в тексте всегда представлено как испытывающее определенные воздействия со стороны текста (или его части), а также как относящееся определенным образом к «подлинной» действительности, которая создается внутри произведения.

8. Воспроизводят внутри текста всю ситуацию первичного моделирования текстом действительности и текстом – кого-то, кто связан с ним, моделируют само это моделирование.

9. Ситуации, описанные в тексте, через определенный хронологический промежуток реализуются во внетекстовой действительности [Сегал 2006: 61-62].

М.Я. Хатямова в исследовании «Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XIX века» объясняет появление в литературе Серебряного века «избыточно литературных» поэтик [Хатямова 2008: 150] А. Белого, А. Ремизова, Ф. Сологуба, В. Брюсова, Е. Замятина возникновением модернистской системы творчества.

К.Э. Штайн и Д.И. Петренко полагают, что выработка стратегий в исследовании художественного текста должна осуществляться с установкой на этику диалога текст – читатель (исследователь, интерпретатор) [Штайн, Петренко 2006: 51], исходя из чего исследовательская стратегия, основанная на анализе метапоэтических данных, связана, по мнению ученых, со следующими установками.

1. С установкой на метапосылки автора, так как его творчество содержит в себе метапоэтический текст (текст о творчестве). Его следует эксплицировать, а также найти подходы к изучению метапоэтики автора (статей, заметок о творчестве).

2. С введением этих данных в эпистемологическую ситуацию соответствующего периода, что позволяет определить основные концептуальные структуры, по которым коррелируют поэтические системы, метапоэтические системы и системы других областей знания.

3. Полученные сведения вводятся в соответствующую научную парадигму, которая используется в процессе анализа [Штайн, Петренко 2006: 51].

К.Э. Штайн и Д.И. Петренко подчеркивают, что автоинтерпретация (автометаописание, метапоэтика) – пропущенное звено в анализе художественного текста [Штайн, Петренко 2006: 51]. Нельзя не согласиться

с тем, что в науке отсутствует общепринятый, сформировавшийся подход к анализу метапоэтики, однако существует значительное количество исследований, предпринятых в ином русле, не преследующих цель обозначить параметры метапоэтик писателей, однако фактически решающих ряд задач в этой сфере.

Программные исследования творчества Андрея Белого в целом сконцентрированы в изданиях «Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации» (М.: Советский писатель, 1988), «Андрей Белый. Публикации. Исследования» (М.: ИМЛИ РАН, 2002), сборнике работ А.В. Лаврова «Андрей Белый: Разыскания и этюды» (М.: Новое литературное обозрение, 2007), специально не обращающихся к проблеме метапоэтики или поэтики метапрозы писателя, однако по праву занимающих значимое положение в научной парадигме анализа творчества и, в частности, параметров метапоэтики А. Белого.

Периодизация творчества А. Белого в научной литературе преимущественно осуществляется в контексте эволюции русского символизма, однако даже при рассмотрении подходов исследователей к выделению этапов творчества писателя усматривается анализ авторефлексии А. Белого, проявившейся в его художественных текстах и теоретических работах.

Все творчество А. Белого, по мнению А.В. Лаврова, может быть осмыслено в качестве многофункциональной системы разнообразных повторов и лейтмотивов [Лавров 2007: 15].

А.В. Лавров в работе «Ритм и смысл» отмечает: «Существуют писатели, творчество которых правомерно рассматривать и осмыслять как становление некоего единого текста, открывающегося по мере воплощения разными гранями, но неизменно, при всех зигзагах идейной и духовной эволюции и причудах конкретных эстетических манифестаций, тяготеющего к своей целой и неразложимой сути; Андрей Белый – один из них» [Лавров 2007: 11-12].

Становление дарования А. Белого А.В. Лавров связывает с публикацией книги стихов «Золото в лазури» (1904), содержавшей стихотворные и прозаические опыты (раздел «Лирические отрывки в прозе»). Как отмечает А.В. Лавров, эта особенность наглядно отражала специфику творческих исканий А. Белого в этот период: «[...] стихи и проза [...] не разделялись резкой межой, а дополняли друг друга и даже способны были

перетекать друг в друга, лишь преломляя на разные лады принципиально единую исходную образно-стилевую субстанцию» [Лавров 2007: 10].

Из «прототекста» [Лавров 2007: 10] «Золота в лазури» постепенно выкристаллизовываются «симфонии» – жанр прозаического текста, претендовавший на организацию словесного материала в соответствии с законами и приемами музыкальной композиции: «Северная симфония, (1-я, героическая)», была написана в 1900 г., «Симфония (2-я, драматическая)» – в 1901 г. [Лавров 2007: 10].

В разработанной А. Белым жанровой форме «симфоний» получила воплощение, по мнению А.В. Лаврова, «концентрация мистических чаяний и “жизнетворчества” утопических предначертаний, замкнутых в образный строй воскрешенного и преображенного на теургический лад «аргонавтического» мифа» [Лавров 2007: 26].

Рубежом между отмеченным периодом становления творческого самосознания А. Белого-символиста и следующим этапом творчества писателя становится идейный, творческий и жизненный кризис, через который А. Белый проходит в середине 1900-х годов.

А.В. Лавров выделяет две определяющие его основные черты:

1. Трагическое разуверение в действительности и осуществимости теургических устремлений.
2. Обращение к актуальной социально-исторической проблематике, нагляднее всего, как полагает ученый, сказавшееся во второй книге стихов А. Белого «Пепел» [Лавров 2007: 33].

В то же время, как отмечает З.Г. Минц в работе «Русский символизм и революция 1905-1907 годов», приближение первой русской революции в России определило кардинальные черты русской культуры конца XIX – начала XX в. как предреволюционные [Минц 2004: 191]. Выход в 1904 году сборника А. Белого «Золото в лазури», по мнению З.Г. Минц, был новым проявлением «предреволюционности» в искусстве [Минц 2004: 201].

Как полагает А.В. Лавров, революционные события лишь стимулировали ранее наметившуюся эволюцию, изменившую акценты во внутреннем мире А. Белого: «Между тем первые симптомы вторжения в художественный мир Белого новых мотивов образовались еще до начала революционных бурь, в [...] цикле “Тоска о воле” (Альманах к-ва “Гриф”».

М., 1905); в них доминирует тема бегства в “пустынное поле” и обретения очистительной свободы – в том числе и свободы от подчинения духовному канону [...]» [Лавров 2007: 33].

По мнению З.Г. Минц, в 1904-1907 годах путь А. Белого колеблется между проповедью младосимволистских идеалов начала века и ощущением кризиса этой системы, между полным неприятием апологий хаоса и сближением с «декадентом» Брюсовым [Минц 2004: 186].

Л.К. Долгополов констатирует выход А. Белого к широким темам творчества, переориентацию по отношению к смыслу и назначению художественного творчества и искусства вообще, на рубеже 1906-1907 годов, когда события первой революции прочно отложились в его сознании в качестве этапного момента в истории страны [Долгополов 1988: 56].

Л.К. Долгополов выделяет следующий период творчества А. Белого как этап интенсивного роста писателя: «Его достижения поразительны даже на том богатом фоне литературы, который дает нам период 1907-1917 гг. “Пепел” и “Урна”, “Серебряный голубь” и “Петербург” [...]. Это зрелый писатель, вырабатывающий свою философию истории, в которой “личное” нерасторжимо сливается с социальным и историческим» [Долгополов 1988: 56].

Третья книга стихотворений А. Белого «Урна» отображает разочарование в «жизнетворческих», преобразовательных перспективах, посвящена В. Брюсову. В этом, как указывает А.В. Лавров, сказывается «не только желание воздать лидеру направления, поэтическому “мэтру”, которого Белый воспринимал тогда как вождя и соратника, а в плане освоения стихотворной техники – как своего учителя; Брюсов своими произведениями давал убедительный пример плодотворного развития современным эстетическим сознанием классической традиции, обуздания словом хаотической, импровизационной творческой стихии, к чему осознанно стремился теперь Белый [...]» [Лавров 2007: 39].

На этапе позднего символизма, как отмечает З.Г. Минц, индивидуальные пути художников, с одной стороны, развивают тенденции, уже возникавшие на одном из более ранних периодов становления данной подсистемы, с другой – тяготеют к выходу за грани символизма: «Таковы порывания Андрея Белого за грани символистского “панэстетизма” к национально окрашенным утопиям “скифства” или философскому методо-

логизму неокантианства, а с другой стороны – сочетание эстетического утопизма (мифопоэтическая идея преобразования мира творческим Словом в “Символизме”) с идущим от “декадентства” сведением этого преобразования к “мозговой игре” (“Петербург”) и эстетически окрашенному научному эксперименту [...]» [Минц 2004: 188-189].

В романе «Серебряный голубь» (1909), написанном в сказовой манере Н.В. Гоголя, «влияние Запада будет соотнесено с разлагающим, разрушительным влиянием Востока как стихии подсознания, а творческое начало будет отыскиваться в изначальной (тайной) сущности русской души, которая неожиданно будет возведена к истокам древнегреческой культуры» [Долгополов 1988: 67].

З.Г. Минц отмечает значимость «мифа о пути» в качестве концепции собственной эволюции у художника-символиста. «Идея о пути», заложенная уже в мифопоэтическом варианте гегелевской “триады” Вл. Соловьева (“миф о синтезе”), выявилась в творчестве А. Белого [Минц 2004: 140].

В то же время, на основании исследования «мифа о пути» у А. Блока и Ф. Сологуба, З.Г. Минц приходит к выводу о существенном различии «идеи пути» и реальной эволюции писателя, поскольку последняя определяется не мифопоэтическими, а историческими и историко-литературными закономерностями [Минц 2004: 142].

Широкий спектр межтекстовых связей А. Белого с предшествующей литературной традицией выделяет Л.К. Долгополов в работе «Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого»: «Он вообще не мог жить без ассоциаций, аллюзий, параллелей и прямых заимствований. Идея «многомерного» существования человека, его одновременного пребывания в эмпирике быта и круговращении бытия требовала соответствующей опоры. И Белый находил эту опору в литературе прошлого, – русской литературе в первую очередь. [...]. В “Пепле” такой воображаемой “опорой” был Некрасов [отношение А. Белого к поэзии Некрасова – предмет отдельного исследования Н.Н. Скатова [Скатов 1988] – Г.П.], в “Урне” – Баратынский, в “Серебряном голубе” – Гоголь, в “Петербурге” – и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и особенно Рудольф Штейнер [...]» [Долгополов 1988: 60].

В рамках целей данной статьи периодизация творчества А. Белого осуществляется с учетом метатекста писателя, а именно – на основании «Линии жизни» – автобиографической схемы А. Белого, изложенной в его письме к Иванову-Разумнику, которое А. Белый писал с 1 по 3 марта 1927 года: «Это письмо Андрей Белый посвятил антропософскому и пифагорейскому анализу своей жизни и творческой эволюции» [Дёмин 2007: 368].

В автобиографическом письме-эссе А. Белый, как указывает В. Дёмин, попытался представить свою жизнь и творчество в виде последовательной цепи событий, имеющих совершенно четкое смысловое оформление, обусловленное непосредственным воздействием космических ритмов, имеющих обоснованную математическую структуру [Дёмин 2007: 368-369].

В основу формулы собственной жизни А. Белым положено число «семь». Год за годом А. Белый расписывает прошедшую жизнь, распределяя ее по семилетним периодам: «В автобиографическом письме А. Белый не только рассчитал численно, но и изобразил графически вихревые, волнообразные и спиралевидные линии своей жизни. На их основе он [...] составил цветные диаграммы, которые назвал “Линия жизни”» [Дёмин 2007: 369].

З.Г. Минц в работе «Об эволюции русского символизма» указывает на важное обстоятельство, которое заключается в том, что эволюция писателя и его самосознание собственной эволюции, никогда не совпадая полностью, в одних случаях относительно близки, в других – кардинально расходятся. В частности, как отмечает З.Г. Минц, блоковский «миф о пути», созданный в 1910-х годах, не тождествен творческому пути А. Блока, но в целом адекватно отражает его основные этапы; напротив, самоописания А. Белым своего пути исключительно далеки от его реальной эволюции [Минц 2004: 187].

Л. Силард в исследовании «Несколько примечаний к культурологии Андрея Белого» [Силард 2008] обращается к работам Андрея Белого «Проблема культуры», «Философия культуры», «Эмблематика смысла», вычлняя наиболее актуальные для интерпретации писателем явлений культуры аспекты.

1. Перенос Андреем Белым акцента на понимание культуры как деятельности, в отличие от большинства определений культуры, характеризующих ее с точки зрения достижений общества в материальном и духовном развитии, противопоставление понимания культуры как динамики жизни «музейно-статическому» пониманию культуры [Силард 2008: 148]. Акцент на определении культуры как не биологической жизни, а жизни сознательной. Основа «жизни человеческого сознания» – переживаемый опыт, который манифестируется в памятниках культуры.

Теория культуры Андрея Белого, по мнению Л. Силард, может быть проиллюстрирована концепцией романов М. Булгакова и Б. Пастернака: в «Докторе Живаго» жизнь поэта, рассказанная прозой романа, преобразуется в квинтэссенцию этой жизни – книгу стихов, которая представляет собой ее смысл и ценность [Силард 2008: 150].

2. Проблема со-деятельности (со-творчества, в символистской терминологии) индивидуума и социума по системе: «процесс творения» – «продукт» – «реципиент», где реципиента необходимо побудить к со-творчеству; такая связь сравнивается со связью в электрической цепи.

3. Проблема «стандартизирования» культуры (ни общество, ни государство, ни художник не могут претендовать на предписание нормы; индивидуальные и индивидуально-коллективные ценности создают нормы).

4. Проблема соотношения между культурой, цивилизацией и цивилизаторством (для иллюстрации предлагаются цитаты из «Путевых заметок» Андрея Белого).

5. Вопрос «Что есть философ культуры?» комментируется цитатой из зачина романа «Петербург» и подводит исследователя к выводу о том, что культурология, в понимании Андрея Белого, ориентирована на «внутренне переживаемый опыт», который становится основой духовного становления личности и социума в процессе их творческой деятельности [Силард 2008: 159].

Такой вид биографии, как «духовная» биография, включающий множество элементов авторефлексии, составляет, по мнению Е.В. Глухой, основную тему творчества Андрея Белого в последние два десятилетия его жизни. Перечень текстов, отнесенных в исследовании к указанному жанру, включает роман «Записки Чудака», «Путевые заметки», мемуарную трилогию «Начало века», «Воспоминания о Блоке», письма к Ивано-

ву-Разумнику, «Материал к биографии (интимный)», «Историю становления самосознающей души», «Основы моего мировоззрения» [Глухова 2008: 163-164].

Е.В. Глухова рассматривает «Записки Чудака» в качестве проекции эзотерических схем, которые предлагает обозначать как «архетип инициации», а сюжетное содержание мотива инициации рассматривать на материале романа Андрея Белого в следующем виде:

- «1) переход границы с целью получения посвятительной информации;
- 2) циклический путь – туда и обратно;
- 3) путь имеет смысл только при условии преодоления преграды, которая организована определенным образом (например, лабиринт – пространственное препятствие, или необычная ситуация – функционально-семантическое препятствие);
- 4) смысл преодоления такого препятствия при пересечении границы – в метафорической смерти героя, которая, при успешном преодолении представленных выше условий, одновременно является и его новым рождением» [Глухова 2008: 169].

Основное ядро «Записок Чудака», по мнению Е.В. Глуховой, – три этапа мистерии самосознания, представленные в «Материале к биографии (интимном)» Андрея Белого, образованные в соответствии со штейнеровской посвятительной моделью, соответствующей архетипической модели инициации [Глухова 2008: 169].

Композиция романа «Записки Чудака», на первый взгляд разорванная, как считает исследователь, обладает скрытой логикой построения: «[...] распадение слова есть распадение сознания, оно влечет за собой распадение мира, расчленение его до атомарной множественности, что и воспроизводит структура романа; но хаос индивидуального сознания организуется на уровне цикличности посвятительного сюжета и подобным же образом организовано замкнутое пространство «Записок Чудака», то, о чем умолчал Белый, в фабуле просвечивает сквозь, казалось бы, хаотическую организацию текста – автор прошел посвятительное испытание Стражем Порога» [Глухова 2008: 172]. Е.В. Глухова приходит к выводу о воспроизведении структурой романа его центральной идеи: в слове – бытие, в распадении букв – нерожденность, невоплощенность [Глухова 2008: 172].

Выводы об интерпретации символистами мифа об аргонавтах О.В. Шалыгина основывает на материале писем Андрея Белого Э.К. Метнеру от 26 марта и 19 апреля 1903 года; из последнего почерпнут, как отмечает исследователь, образ «флотилии солнечных броненосцев». В структуре писем Э.К. Метнеру, по мнению О.В. Шалыгиной, намечены основные сюжетные линии и символы произведений Белого: стремление к солнцу – прошлое отчаяние – деятельность по изготовлению солнечных кораблей из своих крылатых желаний – решимость устремиться сквозь ужас за золотым руном – двоящийся облик рыцарей ордена Золотого руна – зарево – рог возврата – стремительный полет) [Шалыгина 2008: 182].

Сюжетам Андрея Белого, по мнению О.В. Шалыгиной, свойственна большая или меньшая ослабленность событийной основы, обеспечивающая лирическую свободу в передаче внутренних состояний и одновременно своеобразную эпичность [Шалыгина 2008: 190].

Несмотря на внимание исследователей творчества А. Белого к отдельным аспектам метапоэтики, поэтики метапрозы писателя, метатекстуальным параметрам теоретических работ А. Белого, текст А. Белого как текст, реализующий метатекстовые структуры, до сих пор не получил последовательной научной рефлексии, изучение метапрозы А. Белого остается перспективным направлением для исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Глухова Е.В. «Записки Чудака» Андрея Белого как опыт «духовной биографии» // Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки. Исследования и публикации / Сост. О.А. Лекманов, В.В. Полонский; Под общ. ред. В.В. Полонского. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 162-179.

Демин В.Н. Андрей Белый. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 413с.

Долгополов Л.К. Начало знакомства. *О личной и литературной судьбе Андрея Белого* // Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации: Сб. / Сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 25-102.

Лавров А.В. Ритм и смысл. Заметки о поэтическом творчестве Андрея Белого // *Лавров А.В.* Андрей Белый: Разыскания и этюды. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 9-51.

Лотман М. Ю, Минц З.Г. Эпоха модернизма: «серебряный век» русской поэзии // *Минц З.Г.* Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство, 2004. – С. 340-444.

Минц З.Г., Пустыгина Н.Г. «Миф о пути» и эволюция писателей-символистов // Там же. – С. 140-144.

Минц З.Г. Об эволюции русского символизма // Там же. – С.175-189.

Минц З.Г. Русский символизм и революция 1905-1907 годов // Там же. – С.190-206.

Сегал Д.М. Литература как охранная грамота // *Сегал Д.М.* Литература как охранная грамота. – М.: Водолей Publishers, 2006. – С. 50-155.

Силард Л. Несколько примечаний к культурологии Андрея Белого // Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки. Исследования и публикации. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 146-161.

Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 328с.

Шалыгина О.В. «Флотилия солнечных броненосцев» (о тематическом принципе распределения художественного материала между поэзией и прозой у Андрея Белого) // Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки. Исследования и публикации. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 180-195.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Русская метапоэтика: Учебный словарь / Под ред. В.А. Шаповалова. – Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006. – 363с.